

Как и ожидалось, у Ду Ци уже собрались четыре девицы из публичного дома. Трое играли с ним в карты, а одна, куря сигарету, прислонилась к его спине, что-то шепча ему на ухо с игривым смешком. Ду Ци, в свою очередь, поворачивался, чтобы прикурить от сигареты в руке девицы. Когда слуга объявил о прибытии Шан Сижую, Ду Ци даже не обернулся, лишь рассмеялся:

— Сижуй, присядь, выпей чаю, я сейчас закончу партию.

Сюэ Цяньшань заметил:

— Седьмому молодому господину не стоит торопиться. Я могу пообщаться с господином Шаном, ничего страшного.

Ду Ци, всё ещё держа сигарету в зубах, резко обернулся, и его лицо тут же стало ледяным. Он выплюнул окурок на пол, словно это было нечто омерзительное, и с ненавистью произнес:

— Пошел вон!

Шан Сижуй вздрогнул, пробормотал «Ох» и уже собирался уйти.

Но Ду Ци резко остановил его:

— Не тебе говорю! Иди сюда, поиграем.

Сюэ Цяньшань с маслянистой улыбкой прогнал девиц и усадил Шан Сижую рядом:

— Седьмой молодой господин, не стоит так сердиться. Мы же все друзья, чем больше народу, тем веселее. Господин Шан, вы согласны?

И он уже начал тасовать карты.

Шан Сижуй подумал, что сам не знает, согласен ли он, но чувствовал, что Ду Ци явно разозлен.

Однако, к его удивлению, Ду Ци, бросив гневный взгляд на Сюэ Цяньшаня, всё же продолжил игру, вероятно, не желая терять лицо перед девицами. После двух партий, подогреваемый веселой атмосферой, создаваемой девицами, Шан Сижуй совсем забыл о гневном Ду Ци и даже с удовольствием съел миску сладкого лотосового порошка и два пирожка из фасоли.

Внезапно взгляд Ду Ци загорелся, и он улыбнулся одной из девиц, игравших с ними. Та ответила ему недоуменной и невинной улыбкой. Ду Ци почувствовал неладное, откинулся назад, заглянул под стол и тут же вскочил, опрокинув стул, и выругался:

— Мать твою!

Он с размаху перевернул стол.

Шан Сижуй так испугался, что вся миска горячего лotosового порошка вылилась ему на ноги. Даже несмотря на зимние штаны, он обжегся так, что на глазах выступили слезы. Если бы суп просочился сквозь ткань и попал на кожу, это было бы ещё хуже. Он вскочил, не раздумывая, и стал снимать штаны, повернувшись спиной. Девицы, забыв о гневе Ду Ци, тыкали друг друга локтями, переглядывались и с улыбкой наблюдали, как Шан Сижуй раздевается. Даже при их опыте, его стройные ноги вызывали у них восхищение.

Шан Сижуй крикнул Ду Ци:

— Ты совсем с ума сошел!

Ду Ци указал на Сюэ Цяньшаня, гневно уставившись на него. Сюэ Цяньшань, как оказалось, уже снял один ботинок и стоял на одной ноге, пытаясь надеть его обратно. Увидев это, Ду Ци бросился вперед, схватил ботинок и швырнул его за дверь. Сюэ Цяньшань, понимая, что до ботинка не добраться за пару шагов, просто встал на пол босой ногой и с наглой улыбкой сказал:

— Седьмой молодой господин, ваш нрав всё такой же горячий. Ладно, я ухожу. Господин Шан, пойдите со мной?

Девицы, увидев босого Сюэ Цяньшаня и реакцию Ду Ци, всё поняли и, сдерживая смех, переглядывались. Шан Сижуй, ничего не понимая, подобрал скатерть и стал вытирать штаны, сердито сказав:

— Я тоже ухожу!

Ду Ци, разозленный и смущенный, нахмурился и крикнул девицам:

— И вы, пошли вон!

Обычно, когда Ду Ци вызывал девиц, он проигрывал в маджонг немало денег, а выигранные деньги всё равно отдавал им на чай. На этот раз он не сказал ничего о награде, но девицы всё равно опустили на пол и стали собирать банкноты среди осколков фарфора. Когда Шан Сижуй надел штаны, а Сюэ Цяньшань — ботинок, они поспешно завернули деньги и подошли:

— Господин Сюэ! Может, подвезете нас? На рикше в такую погоду холодно.

Шан Сижуй заметил, что у двух девиц руки были порезаны осколками. Они обернули деньги платками, а раны зализали губами, на которых была густая помада, ещё ярче, чем кровь.

Шан Сижуй часто видел этих ярко одетых женщин на карточных играх, и среди них были его преданные поклонницы, которые тратили свои заработанные тяжким трудом деньги, чтобы поддержать его. Это вызывало у него противоречивые чувства. С одной стороны, в пьесах, которые он исполнял с детства, говорилось: «Честь девушки превыше всего, и, сохранив её, она

может умереть с улыбкой», словно потеря невинности лишала женщину достоинства и даже права на жизнь. С другой стороны, такие героини, как Лян Хунъюй и Ду Шинян, прославились в веках как примеры благородства. Шан Сижуй не мог разобраться в этом и предпочитал не думать. Позже, с опытом, он понял, что презирает лишь тех, кто живет без умения, но при этом ведет себя вызывающе. А чем они занимаются, его не волновало — ведь и актеры считались низшим сословием. Девушки из театра, которые проводили ночи с господами, не вызывали у него осуждения. Если среди девиц попадалась талантливая певица или музыкантша, он относился к ней с уважением. Шан Сижуй всегда считал, что эти женщины, которые только играют в карты и спят с мужчинами, не способны ни на благородный поступок, ни на мастерство, и в любом деле остаются на дне. Но сегодня он понял, что они тоже обладают умением — смелостью искать выгоду даже в гневе Ду Ци, и их нежные руки, не боясь боли, собирали деньги с осколков, не оставляя ни гроша. У них был талант находить выгоду в любой ситуации.

Шан Сижуй подумал, что если однажды он не сможет петь или играть на инструментах, то не сможет выжить так, как они. В его сердце смешались странное утешение и страх.

На десятый день месяца Чан Чжисинь уехал по делам, а Цзян Мэнпин приехала погостить в дом Чэнов. Чэн Фэнтай, сославшись на необходимость проводить Чан Чжисиня на вокзал, свернул к дому Шанов, но Шан Сижуй всё ещё был у Ду Ци, и Чэн Фэнтай, полный энтузиазма, оказался ни с чем. Вечером, когда он привез Цзян Мэнпин домой, Вторая госпожа приказала кухне приготовить дополнительные блюда, чтобы угостить её, и старалась угадать её предпочтения.

Чэн Фэнтай вспомнил три вещи, которые Шан Сижуй никогда не делал: не пел «Легенду о Белой Змее», не учил стихи и не ел танъюани по-нинбоски. Из-за «Легенды о Белой Змее» Цзян Мэнпин и Чан Чжисинь сблизились, а Шан Сижуй тогда наивно играл роль Зеленой Змейки, что стало для него позором. Второе происходило из их ссоры с Чан Чжисинем, который сказал ему: «Ты и дня не проучился, как можешь понимать жизнь? Я — университетский выпускник. Поэтому в делах твоей сестры я прав, и ты должен слушать меня». Он также упомянул, как они с Цзян Мэнпин сочиняли стихи, доказывая, что они — высшие души. Это так разозлило Шан Сижую, что он, несмотря на свою эрудицию, отказался от литературы, хотя мог бы стать вторым Юань Сяоди, знатоком театрального искусства. Третье было проще — танъюани по-нинбоски были любимым блюдом Цзян Мэнпин, и она всегда заказывала их в ресторанах. Шан Сижуй ел их с ней много раз, но теперь один запах вызывал у него отвращение.

Вспомнив это, Чэн Фэнтай вдруг встал:

— Осталось ли ещё вино из праздничных запасов? Приготовьте ещё танъюани по-нинбоски.

Чэн Фэнтай иногда бывал чересчур заботливым, а Вторая госпожа особенно следила за его отношениями с женщинами, поэтому она бросила на него взгляд. Чэн Фэнтай улыбнулся:

— Разве моя невестка не южанка? Южные женщины и дети любят танъюани на Новый год.

Вторая госпожа не знала о предпочтениях южан и не стала возражать.

За ужином Цзян Мэнпин действительно оценила сладкий суп, съев две порции. Когда Вторая госпожа упомянула, что это блюдо приготовили специально для неё, Цзян Мэнпин смущенно улыбнулась:

— Чжисинь всегда обо мне заботится, не думая, что это может доставить неудобства. В Бэйпине вино из риса редко бывает сладким, а у вас оно очень вкусное.

Её глаза светились нежностью, словно превращаясь в теплый ветерок.

<http://bllate.org/book/15435/1368640>